

ВВЕДЕНИЕ

О ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДАХ И ИДЕОЛОГИИ

Одна из центральных научных проблем, на решение которой направлены исследовательские усилия российских гуманитариев в сфере социокультурной антропологии, политологии и социологии, заключается в осмыслении динамики культурного и религиозного разнообразия российского общества с целью обеспечения его стабильности и развития. Точнее, исследовательская задача заключается в поиске ответа на конкретные вопросы: *сложный этнический и религиозный состав населения России — это слабость государства и фактор риска или же это обстоятельство не имеет прямого отношения к стабильности и благополучию Российской Федерации и даже, наоборот, составляет ресурс развития? В чем состоит нынешняя «идея России», а именно — каковы смысл и механизмы национального строительства в Российской Федерации?*

Моя книга рассматривает эту проблему в глобальном контексте и в контексте новейших течений общественно-политической жизни России с учетом внутренних и внешних вызовов. Это своего рода пространное эссе на основе поч-

ти 30-летних изысканий, личного и общественного опыта по части понимания России и других культурно-сложных государств. Научная карьера автора сложилась так, что из полвека академических занятий мне три десятилетия довелось совмещать исследовательскую работу с участием в общественно-политической жизни страны, включая уровень государственного управления.

С середины 1980-х гг. автор был заместителем, а затем директором головного академического института в области этнологии, а в 1992 г. некоторое время одновременно входил в состав Правительства Российской Федерации в качестве министра по делам национальностей. В последующем были многочисленные вхождения в состав министерских коллегий, общественных и научных советов ведомств, членство в Совете при Президенте Российской Федерации по международным отношениям, участие в общественных организациях, не говоря уже о научных разработках прикладного общественно-политического значения. Эти жизненные обстоятельства не только пополняли багаж книжного знания, но и влияли на выбор исследовательских тем, форму изложения текстов. Ныне уже покойные выдающиеся интеллектуалы Эрнест Геллнер и Чарлз Тилли оба говорили мне, что лучше писать небольшие книги, а не толстые фолианты, и что если ученый желает, чтобы его услышали и свершились предлагаемые им перемены, тогда нужно выстраивать отношения с теми, кто принимает решения (decision-makers).

Ситуация сложилась так, что я продолжал писать «толстые» книги, но сопровождавшая их публицистика и прикладная аналитика помогали транслировать идеи и предложения, многие из которых были реализованы. Конечно, не все и не в полной мере, но ученый должен понимать и принимать то обстоятельство, что между наукой и политикой всегда есть дистанция, и не все взгляды и предложения ученого могут и должны быть приняты, тем более в близкой перспективе. Но также нежелательны инертность и равнодушие исследователя к тому, как воспринимаются не только научными коллегами, но и об-

ществом новые идеи и полученные знания о происходящем. Ученый должен обладать пассионарностью в отстаивании своих позиций, но и уметь признавать другие мнения, вносить коррекции в собственные подходы. Важно не впадать в крайности как в выборе теории и метода, так и в практических рекомендациях. *Гибкость без приспособленчества и пассионарность без одержимости — лучшие ориентиры для позиции ученого-гуманитария.*

Мои научные занятия и общественная жизнь пришлись на интересный и драматический период в жизни страны. Это была эпоха крайностей, когда умеренные, непартийные позиции сохранять было непросто, а иногда именно они могли становиться предметом особого неприятия поборников радикальных взглядов и действий. Как однажды сказал мне шри-ланкийский ученый и адвокат Нилан Туричильван (позднее убитый тамильскими террористами): «Меня как умеренного ненавидят обе стороны за то, что я предлагаю примирить конфликтующих в моей стране». «All extremists hate moderates more than each other», — запомнились мне слова Нилана, сказанные им во время пребывания в Шри-Ланке с семинаром по урегулированию конфликтов.

Надо признаться, что и причиной моего добровольного ухода из правительства Б.Н. Ельцина в 1992 г. были похожие мотивы неприятия жесткой партийности, когда Г.Э. Бурбулис напутствовал меня на должность председателя Государственного комитета по национальной политике словами: «Твоя главная задача — искоренять там коммунистическое подполье», а вице-президент А.В. Руцкой предлагал «определиться» в пользу нарождавшейся тогда антидемократической фронды действующему президенту и его команде. Так что это были не просто мои «стилистические разногласия» с Ельциным, как я это объяснил тогда, но и более существенное расхождение. Я и сейчас считаю, что жесткая партийность не на пользу управлению государством и обществом, а умеренность в политике не есть проявление ее слабости. Как, кстати, и одержимость единством, ибо *при-*

знанное разнообразие (культур, взглядов, программ и правовых норм) — это и есть единство.

Последние десятилетия XX в. были временем глубоких катаклизмов в жизни нашей страны. Это было время вершечных политических импровизаций, массовых низовых мобилизаций, смены фундаментальных основ социально-экономического строя и государственного устройства, демонтажа прежних идеологических и морально-нравственных основ жизни. Наконец, 1991 год ознаменовал распад Советского Союза и возникновение Российской Федерации. Конечно, многие российские гуманитарии переживали все эти пертурбации не просто как наблюдатели «замков из слоновой кости», а как непосредственные участники и даже архитекторы многих перемен.

Первые десятилетия XXI в. связаны с руководством страной В.В. Путиным и глубокими социально-культурными и геополитическими трансформациями, когда фактически родилась новая страна или, точнее, страна-Россия родилась заново с новыми экономикой и политическим режимом. В новой России элита и наука оказались заняты драматическим поиском идеи нации, сохранением исторической преемственности и утверждением новой российской идентичности в условиях этнического и религиозного многообразия. Прошло 30 лет жизни после образования Российской Федерации, но образ страны и идентичность народа так и не сложились в полной мере. Это примечательное «отставание», или, как я его называю, *кризис понимания России*, отметил в одном из своих выступлений председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин: «Процесс распада СССР для России стал очень болезненным. Поскольку новая страна, став правопреемницей прежней, настолько радикально изменила государственный, экономический и социальный строй, что она не сумела в полной мере унаследовать и устойчиво воспроизвести прежнюю российскую симфоническую идентичность. Это обстоятельство создает очень много проблем в сфере

Панорама Москвы (здесь и далее фото автора, если не указан иной источник)

государственного управления, в сфере правопорядка и защиты конституционных прав граждан»¹.

И все же в стране *произошел поразительный прорыв от советско-ностальгической идентичности к общероссийскому самосознанию и патриотизму*, явный поворот от межэтнических напряженностей и региональной разобщенности к общероссийской солидарности и гражданскому согласию. Действительно, путь нового нациестроительства далеко не пройден, он переживает паузы и даже моменты попятного движения. Но это не должно обескураживать сторонников российского национального проекта. В такой большой и сложной по составу населения стране, как Россия, всегда будут сохраняться социально-политические разногласия и риски, внутренние и внешние угрозы. Также будет продолжаться вековечный диалог между разными полюсами общественной и политической мысли, начиная с давних споров «западников» и «славянофилов», а сегодня — между консерваторами и либералами, между

¹ Выступление председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на XVII пленарном собрании Всемирного Русского Народного Собора (30-31.10.2013).

националистами разных мастей и сторонниками гражданского равенства и межкультурного диалога. И в оценке переломных моментов нашей истории, ее ведущих фигур будут сохраняться споры, меняться научные и учебные трактовки под влиянием нового знания о прошлом и современного запроса со стороны политического класса и общества в целом.

Ясно, что между наукой и политикой есть определенный зазор, и установка на «научное руководство обществом» далеко не всегда реализуется в полной мере, по поводу чего привыкли сокрушаться ученые. Но и без научной проработки принимаемых решений политика и управление будут неэффективными и иметь печальные последствия. Хотя, казалось бы, каждое новое поколение пишет свою историю в смысле отбора и интерпретации исторического материала и оценок, но все равно существует отобранное профессионалами достоверное знание, которое составляет основу национального нарратива (исторической версии) прошлого. Игнорировать и подвергать необоснованной ревизии научное знание о прошлом непозволительно как домашним, так и зарубежным интерпретаторам.

Данный подход уважения научных взглядов распространяется и на оценки современного состояния общества, на проектирование его будущего. Здесь также недопустимы спекулятивные крайности на основе псевдонаучного знания, философской схоластики, мифопоэтических и теологических конструкций. Последние ведут к затратным усилиям без позитивного результата. *В общественном дискурсе и в политической повестке могут и даже желательны мечтания, призывы и лозунги, волевые действия и эмоциональный настрой, но «большие проекты», к которым относятся нациестроительство, формирование образа страны и ее народа, на основе только поверхностной публицистики и идеологическом предписании осуществить невозможно.*

Доминирующая в современном обществознании теория *социального конструктивизма* как раз исходит из того, что на основе социальной реальности в результате целенаправленных усилий элит в лице экспертов и политиков пре-

«Умом Россию
не понять»
(фото
М.Б. Лейбова)

творяются в жизнь проекты созидания или разрушения, совершается сам по себе общественный процесс. Этот подход, а точнее — теория познания, о том, как люди формируют социальные феномены, включая сами представления о реальности. А реальность эта воспроизводится людьми в процессах ее осмысления и поддерживается за счет социальных взаимодействий. Во взаимодействии люди воспроизводят как своего рода «здоровый смысл» представления о жизненных реалиях, но которые на самом деле не есть что-то заданное изначально, а сконструировано самими людьми в разных ситуациях и в разных целях¹.

Исходя из этого подхода, научные и повседневные знания также являются продуктом договоренности людей. К этому относятся разные понятия и категории, включая те, о которых пойдет речь в книге, — это *нация* и *национальная идентичность*. В принципе, любые человеческие типологии и ценности,

¹ См. подр.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995; Якимова, Е. В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы: науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1999. О конструктивизме в политологии см.: Марта Финнемор. «Нам нужно было убедить коллег, что конструктивизм обладает объяснительной силой...» // Международные процессы. Том. 18, №2, апрель-июнь 2020. С. 110–121.

социальные образования, включая государства и институты, воспринимаются людьми как объективная реальность. Такими они и являются, но только эта реальность конструируется, как говорят ученые, *актерами*, т.е. действующими лицами исторического процесса.

Важно, что данный подход противостоит фатализму, историческому детерминизму (т.н. path dependency), политическим манипулированию и импровизациям без учета реальных условий и возможностей. Эта теория противостоит *эссенциализму* — представлению о том, что социальная реальность определяется внеисторическими и независящими от сознания человека сущностями. Однако надо учитывать, что социальные конструкты, лежащие в их основе идеи, порождены и принадлежат определенной культуре или сообществу, и они не всегда могут быть поняты и приняты другими культурами и сообществами. Но многие созданные людьми социальные феномены, как, например, государство и нация, будучи порожденными в одной культуре, обрели глобальное значение.

Социальный конструктивизм имеет определенные ограничения: он не есть безграничная фантазия и выдуманная реальность. Известный ученый Б. Андерсон называет нации *воображаемыми сообществами* (imagined communities)¹, что совсем не означает выдуманные сообщества! Когда речь идет о сфере самосознания, о мире убеждений и ценностей, то здесь условиями и пределами возможностей для социального творчества являются существующая социальная реальность, наследованный актерами ментальный багаж, сложившиеся поведенческие нормы и стереотипы восприятия действительности, инновационные и традиционалистские взгляды, исходящие от разного толка активистов и проповедников.

Противостоящий конструктивизму подход называют примордиальным типом мышления. Это — течение общественной мысли, для которого главными в жизни являются не

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.

творчество, инновации и развитие, а опора на прошлую норму и вера в существование неких фундаментальных структур и предначертаний судьбы: от генов до божественных пророчеств. *Примордиализм* в чем-то схож с мессианизмом, будь это американская *Manifest of Destiny* (судьбоносное предначертание нести в мир демократию) или русская идея «третьего Рима» (мировое предназначение русского православия хранить основы христианства). В жизни конструктивизм и примордиализм как два взгляда на реальность и две философии познания пребывают зачастую в причудливых сочетаниях. Примечательно об идее и нациестроительстве высказались российские авторы в одной из книг по этой теме: «Прагматический проект нации апеллирует к примордиализму обыденного сознания масс, но реализует свой проект, следуя рецептам конструктивизма»¹.

С этим положением двойственности, (не)уживчивости двух подходов можно было бы и согласиться, если бы не одно существенное обстоятельство. На стороне примордиализма все чаще выступают не только поборники старых прописей по части «материалистического понимания реальности» и «законов всемирно-исторического развития», но и недавние обладатели купленных дипломов и научных степеней — продукты научно-образовательной атмосферы последних десятилетий. Именно от этой уже довольно многочисленной когорты псевдопрофессоров и самозванных академиков истекает мутный поток идей и заклинаний по поводу России, ее прошлого и будущего. От них исходят призывы выработать «собственные инструменты познания», осуществить «духовную репатриацию современного общества» и т.п.

Узкая компетенция и апломб глобальных суждений, неотойнбистская схоластика и махровая конспирология, изоляционистское мышление досаждают, как никогда, отечественному общественнознанию. Последнее направление можно

¹ *Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В.* Нациестроительство в современной России. М.: Алгоритм: Научный эксперт, 2014. С. 58.

охарактеризовать как *фундаментализм*, который пребывает на подъеме не только в России, но и в других регионах мира, и он связан прежде всего с религиозными верованиями. Известный религиозный философ Мартин Марти писал, что фундаментализм апеллирует к «людям, неспособным вынести “случайное”, лишенное твердых опор и понятных ориентиров существование, и потому объединяющимся вокруг тех, кто готов предложить им абсолютное, всеобъемлющее, не ведающих сомнений и не признающее исключений мировоззрение». Фундаментализм — это идеология реактивная, реакционная, и этой идеологии «совершенно необходима некая сила, тенденция, некий враг, который мог бы восприниматься как потенциальная или уже вполне реальная угроза, разъединяющая и разрушающая все самое дорогое для данного сообщества». Так называемые фундаментальные ценности «непрерывно восходят к более ранней, чаще всего — изначальной, чистой и неиспорченной... стадии священной истории соответствующей группы». Эти ценности используются для того, чтобы обозначить границы, привлечь и объединить «своих» и оттолкнуть «чужих»¹.

Фундаментализм сходен во многом национализму, но есть и различия. Как пишет крупнейший историк XX века Эрик Хобсбаум, если фундаментализм (в любой его религиозной форме) в какой-то мере все же «опирается на остатки подлинных традиций, обычаев, обрядов, воплощенных и закрепленных в религиозном культе, то национализм как таковой оказывается либо откровенно враждебным реальному, невыдуманному прошлому, либо возникает на его обломках». Но с другой стороны, у национализма есть другое преимущество перед фундаментализмом: «Сама его неопределенность, отсутствие в нем конкретной положительной

¹ *Martin E. Marty*. Fundamentalism as a social phenomenon // Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences. Vol. 42. November 1988. P. 15-29 (Цитир. по: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетейя, 1998. С. 276).

программы способны обеспечить национализму всеобщую поддержку в пределах данной группы»¹.

Попробуем разобраться в этом соотношении фундаментализма и национализма с точки зрения обсуждаемой нами идеи государства и нации. Поскольку именно от «православных религиоведов» (помимо зарубежных отрицателей) случился накат на российский национальный проект, приходится уже во введении книги высказать несогласие с нашими оппонентами и некоторыми высокопоставленными позициями. Речь идет о проявлениях антинационального фундаментализма, которые исходят во многом от околоцерковных публицистов, а затем могут отражаться в выступлениях лидеров церкви и в деятельности, например, такой влиятельной организации, как Всемирный русский народный собор (ВРНС).

В своих публикациях и в собственной телепрограмме один из ведущих идеологов ВРНС выступает противником концепции полиэтничной гражданской нации, выдавая ее за чуждый либерально-западный проект. Вот как он завершает главу своей книги, посвященную разбору одной из моих публикаций, а также принятой в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: «В общем, обнародованный проект „русской нации“ явно не схватывает существующие реалии, плохо вписывается в пространство носителей русского языка, культуры и русской формы православия (русский мир). „Российская нация“ имеет смысл только как синоним русской — но тогда, признаться, неясно, зачем без необходимости умножать термины. Да и мнение нации о себе самой кое-чего стоит. Ведь национальная принадлежность определяется не только „треугольником“ идентичности, но и внутренним ощущением общности... Способны ли русские, состоявшись как нация, еще и выполнить свою миссию — сохранить для мира ценности, лежавшие в основе

¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетейя, 1998. С. 279.

единой христианской цивилизации? Если они не станут жертвами безответственного «национально-гражданского конструирования» — думаю, да»¹.

Обращение к русской теме, к мировой миссии русской нации хранить основы христианской цивилизации безусловно обладают притягательностью, эмоциональным воздействием и к тому же резонируют с реальными озабоченностями русских людей в России по части их жизненного преуспеяния, статуса в разных сферах общественной жизни: от доступа к ресурсам и положению в бизнесе до состояния среды обитания, здоровья и культуры. Однако аргументы религиозных философов при всей их, казалось бы, убедительности требуют критического разбора, который выявляет фундаментальную несостоятельность и нереализуемость высказываний, претендующих на понимание той самой якобы никем не конструируемой «реальности». А.В. Щипков обосновывает некое подобие новой идеологии под ее разными названиями: «социал-традиционализм», «левый консерватизм», «консервативный социализм» и т.п. Эта духовно-идеологическая тенденция, по его мнению, «будет противостоять набирающему силу ультраправому тренду, который является генетическим приемником неолиберализма». Он призывает решить проблему: «как защитить от разных идеологических конструктов “простое”, “бытовое”, “родное”, традиционное, непосредственное, т.е. коллективный культурный опыт, воспринимаемый в его целостности, подлинности, исторической устойчивости. Как защитить от конструктивистской агрессии аутентичное, спонтанное, эссенциалистское восприятие культуры. Как объяснить на уровне идеологии, что ценности, идеалы и их преемственность обладают куда большим историческим ресурсом, нежели сборка-разборка бесконечных культурных проектов». Суть этой «духовной репатриации современного общества», по его мнению, в «трансляции от поколения к поколению ценностей и идеалов, культурно-исторического архива обще-

¹ Щипков А.В. Вопросы идеологии. М.: Абрис, 2018. С. 237-238.

**Святейший Патриарх Кирилл
на вручении Макарьевской премии
в Президиуме РАН, 2018 г.**

ства (например, православной этики и духа солидарности — для русской культуры)»¹.

Одним из центральных тезисов предлагаемой программы для России стал *цивилизационный подход*, который многократно обсуждался на соборных заседаниях ВРНС и отражался в его официальных документах. Примечательным было заседание 2013 года под названием «Россия как страна-цивилизация. Солидарное общество и будущее российского народа». На заседании в речи Святейшего Патриарха Кирилла были сформулированы задачи: осмыслить место России в судьбе человечества, предложить гармоничную форму общественного устройства и дать прогноз на завтра. Патриарх задал вопрос, является ли Россия особой, уникальной, самостоятельной цивилизацией, равновеликой Западу, Индии или Китаю? По его мнению ответ может быть только утвердительным. «Едва ли у кого-то из людей, серьезно интересующихся философией истории, это может вызывать сомнения... Одно перечисление выдающихся имен русских и зарубежных исследователей, признававших Россию самостоятельным, самобытным обществом, выглядит внушительно. В этом списке окажутся очень разные люди — такие, как Николай Данилевский, Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер. А разве возникновение в начале XX века русской религиозной философии — яркого, самобытного направления в гуманитарной науке — не является доказательством самобытного творческого начала нашей цивилизации...?»

¹ Щипков А.В. Вопросы идеологии. М.: Абрис, 2018. С. 237-238.